

Е. А. Ермолин

**Книга как тень ускользящего объекта: советская архитектурная история
в зеркале творческой биографии Иосифа Каракиса**

Архитектурные мутации в XX в. повсеместны и почти перманентны. Объекты претерпели разнокачественные мутации и в своем актуальном состоянии фиксируют случайный срез тех или иных трансформаций, происходивших без рационального плана, помимо логики. Они не всегда много дают для понимания того, из чего, собственно, состоит архитектурная история. Требуется своего рода реставрация, которая по стечению разнообразных обстоятельств, как правило, не может происходить на материальном объекте. Ее, однако, можно произвести в книге альбомного формата, с текстом, комментариями, цитатами, сносками, анекдотами из жизни, свидетельствами современников, комментариями к публикациям в прессе. Это своего рода «тень», содержательная и продуктивная, отброшенная ускользящим, зыбким объектом, который в нынешней реальности присутствует уже лишь частично. Именно такую книгу-альбом создал Олег Юнаков. Творческая биография талантливого и плодовитого архитектора советской эпохи Иосифа Каракиса дает повод осознать, что подробная, тщательная в детализации художественной памяти, в фиксации творческого наследия монографическая работа способна представить реальное содержание советской архитектурной истории.

Архитектурная история советской эпохи, творчество Иосифа Каракиса, книга-альбом как реконструкция истории советской архитектуры.

Е. А. Yermolin

**The Book as a Shadow of the Escaping Object:
the Soviet Architectural History in the Mirror of the Joseph Karakis' Creative Biography**

Architectural mutations were widespread and almost permanent in the twentieth century. Objects of different quality, undergone a mutation in its current state, fix a random cut of certain transformations that took place without a rational plan, except logic. They don't always give a lot for understanding what architectural history is. It takes a kind of restoration, which due to coincidence of various circumstances, as a rule, can not occur on the material object. It is, however, possible to produce the book landscape format, with text, comments, quotations, footnotes, anecdotes, testimonies of contemporaries, comments to the press. This kind of «shadow» that is meaningful and productive, discarded with the elusive, fragile object that exists only partially in the present reality. That is the book-album created by Oleg Yunakov. The creative biography of the talented and prolific architect of the Soviet era, Joseph Karakis, gives us an opportunity to understand that the monographic work, that is thorough in detailing artistic memory, in fixing the creative heritage, can present the real content of Soviet architectural history.

Keywords: architectural history of the Soviet era, the work of Joseph Karakis, the album as a reconstruction of Soviet architecture history.

Изучение истории архитектуры советского периода проблематизировано зыбким состоянием предмета исследования. Архитектура кажется искусством долговечным, однако опыт советской истории показал, что такое представление нуждается в серьезных коррективах. Архитектурные мутации в XX в. повсеместны и почти перманентны. Не только отдельные здания, но и целые кварталы, а то и города сносились напрочь ввиду той или иной целесообразности или надобности, представлявшейся неотложной, уничтожались в горниле войн, в хаосе гражданской смуты, а если и сохраняли свое присутствие – то с такими перестройками, достройками, с таким предваряющим строительство насилием над авторским проектом, что от проекта такого обычно оставались рожки да ножки. Причем чем ярче была архитектурная идея, чем смелее был полет

авторской мысли, тем более вероятным становилось усилие ее стреножить, закрыть тему, подчинив ее либо стандарту, либо политической злобе дня, либо прихоти всевластного номенклатурного вельможи.

Тотальная идеологизация искусства [1; 2] и война идеологий приводили к тому, что художник постоянно оказывался зажатым между требованиями профессионализма и игрой воображения, с одной стороны, и идеологическим диктатом – с другой. Причем на горизонте маячил соблазн творческой беспринципности, а успех в архитектуре давался в лучшем случае ценой творческого компромисса и изнурительной самоцензуры.

Написанная Олегом Юнаковым творческая биография талантливого и плодовитого архитектора советской эпохи Иосифа Юльевича Каракиса

са [4] дает повод осознать, что не сами неполно или частично сохранившиеся по сию пору архитектурные объекты, но только такая подробная, тщательная в детализации художественной памяти, в фиксации творческого наследия монографическая работа способна представить реальное содержание советской архитектурной истории.

Книга посвящена жизни и творчеству изощренного, изысканного мастера, киевского денди, художника-интеллектуала Иосифа Каракиса (1902–1988). Осуществленным им проектам. И не в меньшей мере – проектам, реализованным лишь частично, испорченным переделками или совсем не осуществленным. Состоявшейся и успешной жизни архитектора, педагога – и грандиозным неудачам, ввиду того, что многое из лучших замыслов Каракиса не были реализованы (это, по определению архитектора, *дома, не отбрасывающие тени*).

Объекты претерпели разнокачественные мутации и в своем актуальном состоянии фиксируют случайный срез тех или иных трансформаций, происходивших без рационального плана, помимо логики. Для понимания того, из чего, собственно, состоит архитектурная история, они дают не всегда слишком много. Требуется своего рода реставрация, которая по стечению разнообразных обстоятельств, как правило, не может происходить на материальном объекте. Ее, однако, можно произвести в книге альбомного формата, с текстом, комментариями, цитатами, сносками, анекдотами из жизни, свидетельствами современников, комментариями к публикациям в прессе и т. д. Именно такую книгу-альбом создал О. Юнаков. Это своего рода «тень», содержательная и продуктивная, отброшенная в книжном формате ускользающим, зыбким объектом, который в нынешней реальности присутствует уже лишь частично.

Исследование базируется на материалах собственного архива архитектора, собраний библиотек и государственных архивов Украины. Книга построена по хронологическому принципу и включает большое количество проектов, рисунков, планов, снимков осуществленных объектов, а также личных документов и фотографий из семейного архива, значительная часть которых публикуется впервые.

Издание содержит аккуратно и тщательно собранную вербальную и визуальную информацию о своего рода советской архитектурной классике, так или иначе существующей поныне, притом «ни одно из зданий Иосифа Каракиса не было

реализовано в изначально задуманном варианте или не изменялось уже после постройки» [4, с. 10], и сведения об утраченных и о нереализованных проектах.

В одном случае случилась смена функционала (Художественная школа на Старокиевской горе / Национальный музей истории Украины), в другом – замена интерьера и частичные перестройки снаружи (ресторан «Динамо»), в третьем – перманентная переделка с участием тогдашних VIP-персон (дом в Георгиевском переулке, успевший пострадать даже от Никиты Хрущева, распорядившегося снести ажурную башенку, отдаленно напоминавшую церковный купол), и лишь иногда сооружение почти ничего не потеряло, по сравнению с утвержденным когда-то со второго, третьего, четвертого раза проектом (Фархадская ГЭС, детский сад «Орленок»). Хотя и в последнем случае, по замыслу, объекты входили составной частью в более амбициозный архитектурный ансамбль, который целиком там никогда и не был реализован.

По-своему показательно, что грандиозный проект выхода советского города величественной архитектурной проекцией к Днепру имеет итогом своим лишь одно жилое здание (хотя и, по общему мнению, выдающихся достоинств, однако деградировавшее по отношению к проективным идеям) и упомянутое, реально прекрасное здание детсада на отшибе, а предполагавшийся Зеленый театр, впоследствии реализованный без участия Каракиса, ныне выглядит масштабно-зловещей руиной и ассоциируется на турсайтах с урочищем Велеса. Впрочем, не менее показательно и характерно для середины XX в., что при строительстве ГЭС в Узбекистане были успешно решены инструментально-технологические задачи, а вот социальная инфраструктура, остроумно придуманная Каракисом, реализована лишь в самых аскетических своих компонентах.

Некоторые яркие сооружения, спроектированные Каракисом, были практически достроены, пусть со второй или третьей попытки, с переделками в соответствии с меняющимся официальным курсом, но никогда не использовались по назначению и были уничтожены войной и догматами трансформирующейся идеологии, как Еврейский театр в Киеве. Сначала переделки касались внешнего визуального образа, который требовалось изменить после того, как конструктивизм был идеологически развенчан за несоответствие формы социальной миссии строения. При этом сами конструктивные рационали-

стические принципы, которым было подчинено здание, как можно понять, не претерпели существенного изменения, что позволяло архитектору без внутренней драмы пережить неизбежность декоративной правки (так было не только в этом, но и во многих других случаях). Однако в финале истории с театром идеологические мутации середины и конца 40-х гг. похоронили саму идею еврейского театра как неактуальную в пространстве советской политической сцены.

Но, как и в других искусствах советской эпохи, драматизм истории сполна реализуется прежде всего в творческой судьбе незаурядного художника, каким был Каракис.

У мастера было великолепное конструктивное мышление, понимание актуальных задач архитектуры, адекватная коммуникация с идеями Ле Корбюзье и Райта. Но сначала ему пришлось, много и, на первый взгляд, успешно работая, применяться к постоянно меняющейся под воздействием идеологических установок архитектурной конъюнктуре 1930–1940-х гг., к смене парадигм, детально описанной, например, В. Паперным [3]. Виртуозу стиля, гибкому трансформатору художественных идей, удавалось сочетать запрос на парадность, триумфальную заданность внешних форм с созданием удобной, комфортной, в конечном счете – человеческой среды существования. Каракис был гением приспособленного для жизни интерьера. Но, с другой стороны, и родившийся в новой исторической ситуации пафос неobarocco, с характерной риторикой больших объемов и роскошных, праздничных декораций, оказался ему не чужд. Он искал ему меру как эстет и делегат тонкого вкуса. В этом поединке с эпохой Каракис, в частности, внес, как не без оснований считается, огромный вклад в формирование обаятельного образа советского Киева.

А затем, в послевоенное время, Каракис, почти синхронно демагогически обвиненный в архитектурной пропаганде украинского национализма («на материале» гостиницы «Октябрь» в Луганске) и буржуазного космополитизма (Еврейский театр), вынужден был, по сути, пожертвовать личным именем уже к тому времени известного и любимого мастера, занявшись типовыми проектами школ и ДК, безусловно удававшимися ему, но в контексте эпохи представлявшими его не художником, а лишь ремесленником.

На этом фоне две самых зрелых и ярких идеи Каракиса реализуются в воображении, в набросках и проектах. Но им уже не суждено было найти себя воплощенными в сооружениях. Достигнув полной творческой и человеческой зрелости, он потерял, по сути, всякие шансы реализовать свое архитектурное воображение на практике.

Первая из этих идей связана с проектами мемориала в Бабьем Яру. Сам Каракис в 1941 г. с огромными передрыгами в последний момент бежал из Киева и спасся в эвакуации, в Ташкенте. Но тема Холокоста была ему, безусловно, близка и заведомо ближе, чем ортодоксально советские сюжеты. Отсюда пронзительная сила визуальных образов в четырех версиях его проекта 1966 г. (созданных в той или иной степени в соавторстве с художником З. Ш. Толкачевым, скульпторами Я. С. Ражбой и Е. Жовнировским). Замысел мемориала продвигался, как известно, с огромными трудностями, реализация его в середине 1970-х гг. была попыткой не столько увековечить память, сколько выхолостить смысл происшедшего, – и, если это получилось не вполне, то лишь ввиду драматической емкости этого смысла, которую трудно было заслонить привычными для тогдашней официальной пропаганды идеями «героизма», «доблести» и пр.

Вторая идея – это своеобразная аркологическая авторская утопия: чудесный город-сад, в единстве архитектуры и природы, город пирамидальных, ступенчатых «вавилонских» башен с переброшенными между ними воздушными мостами и интимными двориками внутри на склонах днепровских холмов (Батыева гора, реконструкция нагорной части Подола и застройка Оболони). Каракис при этом мыслил средой и пытался создать дружелюбное пространство для человеческого существования, превратить дом в «минизкосистему» [4, с. 384]. Этот новый город остался лишь в эскизах, в предварительных расчетах.

Своеобразным парадоксом выглядит представленная в книге О. Юнакова информация о том, что в старости Каракис реализовывал свои проекты в дачном масштабе, «по-вольтеровски», если вспомнить константинопольский финал «Кандида». Единство дома и сада, союз человека и природы осуществились у архитектора вполне, но масштабированы было шестью сотками земли.

Богатство фактографических сведений в книге О. Юнакова становится предпосылкой постижения архитектурной истории двадцатого столетия

в ее подлинном содержании, равно как и уроком/опытом творческого самостояния в ситуации радикальной идеологической индоктринации и смены архитектурных парадигм.

Библиографический список

1. Гройс, Б. Gesamtkunstwerk Сталин [Текст] / Борис Гройс. – М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 168 с.
2. Ермолин, Е. А. Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920–1930 гг. [Текст] / Е. А. Ермолин. – Ярославль : Изд-во Ярославского пед. ун-та, 1996. – 141 с.
3. Паперный, В. Культура Два [Текст] / Владимир Паперный. – М. : Новое литературное обозрение, 2007 (Серия «Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). 2-е изд., испр. доп. – 408 с.

4. Юнаков, О. Архитектор Иосиф Каракис. Жизнь, творчество и судьба [Текст] / Олег Юнаков. – Нью-Йорк : Алмаз, 2016. – 544 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Grojs, B. Gesamtkunstwerk Stalin [Tekst] / Boris Grojs. – M. : OOO «Ad Marginem Press», 2013. – 168 s.
2. Ermolin, E. A. Materializacija prizraka. Totalitarnyj teatr sovetskih massovyh akcij 1920–1930 gg. [Tekst] / E. A. Ermolin. – Jaroslavl' : Izd-vo Jaroslavskogo ped. un-ta, 1996. – 141 s.
3. Papernyj, V. Kul'tura Dva [Tekst] / Vladimir Papernyj. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2007 (Serija «Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyj zapas»). 2-e izd., ispr. dop. – 408 s.
4. Junakov, O. Arhitektor Iosif Karakis. Zhizn', tvorcestvo i sud'ba [Tekst] / Oleg Junakov. – N'ju-Jork : Almaz, 2016. – 544 s.